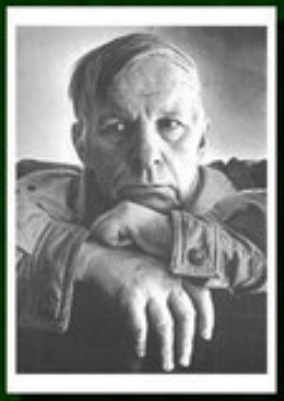

Василь Быков

В тумане

ФТМ

Василий Быков

В тумане

«ФТМ»

1988

Быков В. В.

В тумане / В. В. Быков — «ФТМ», 1988

«… Наверное, Бурова ранило здорово, пуля, похоже, навылет пробила бок, и раненый медленно исходил кровью. Сознание его то и дело меркло, растворяясь в чудовищной боли, которая теперь властвовала почти во всем теле, сердце обмирало от слабости, и он проваливался в мучительный мир призраков. Однако по ту сторону сознания боль эта превращалась в муки несколько иного характера, чем наяву, там он страдал душевно, от какой-то непонятной несправедливости, постигшей его. Физически он чувствовал себя лишь напрочь обессилевшим и опустошенным, с неуклюжими ватными ногами и такими же ослабевшими руками. Этими руками он едва держался за край кузова своей полуторки, стремительно катившейся под уклон по дороге к Залесскому озеру, где был мостик через протоку в другое, поменьше озеро. Но мостик этот исчез самым непонятным образом, не осталось даже следа от него, полуторка набирала скорость, а он не в состоянии был взобраться в кузов, чтобы попытаться остановить ее. Почему она покатилась, того он не знал: может, не поставил на тормоз, а может, кто-то другой управлял ею в кабине, но машина вскоре должна была свалиться с обрыва. Буров стонал, кричал даже, но не слышал своего крика, как его, наверно, не слышал никто, хотя рядом по дороге шли и ехали люди. Это были странные люди, все в незнакомой коричневой форме, японцы, что ли? Многие из них поблескивали очками на плоских косоглазых лицах, подозрительно поглядывали на него, но никто не попытался ему помочь. И вот наконец случилось то, что не могло не случиться – машина оторвалась от дороги… Только в протоку она не свалилась, полет ее странно замедлился, она вроде бы даже поднялась в воздух, и с нею поднялся он, все так же уцепившись за борт. Минуту спустя он уже парил в воздушном пространстве над озером, и ему стало вроде даже приятно в этом мягком, плавном парении. Земля и озерные берега отдалились,

исчезли из виду, окутанные предвечерними тенями. В этом теплом безветренном пространстве он ощутил себя словно в нежарком банном пару. Недолгое его блаженство оборвал громкий, суровый окрик, раздавшийся откуда-то сверху, смысл его Буров понять не мог, но тревога уже охватила его, он знал – сейчас что-то случится, …»

© Быков В. В., 1988
© ФТМ, 1988

Василь Быков
В тумане

Холодным слякотным днем поздней осени на втором году войны партизанский разведчик Буров ехал на станцию Мостище, чтобы застрелить предателя – здешнего деревенского мужика по фамилии Сущеня.

Этот Сущеня еще с довоенного времени работал на железной дороге и считался неплохим человеком, но, месяц назад арестованный полицией за диверсию возле Выспянского моста, купил себе жизнь тем, что выдал соучастников, своих же путейцев, вместе с которыми развинчивал рельсы. Путейцев повесили в местечке, а Сущеню выпустили, и он вторую неделю отсиживался под боком у гарнизона, в своей хате на окраине станции, в тепле и сытости, полагая, наверное, что партизаны до него не доберутся. Простят его. Но такое не прощается, за такое следовало наказать. Командиры в отряде, посовещавшись, приняли решение и прошлой ночью послали Бурова сделать то, чего невозможно было не сделать. В помощь ему дали партизана Войтика, и они вдвоем верхом на лошадях, отмахав километров тридцать лесного пути, в тот же день к вечеру выбрались из леса на опушку в километре от Мостища.

В лесу уже темнело, холодный туман и ранние сумерки быстро поглощали мокрый сосняк, почти голый, с остатками жухлой листвы подлесок, а на полевом пространстве за грязной гравийкой было еще светло; в лица всадников ударил влажный порывистый ветер, и они остановились. Буров привычно огляделся, прикидывая, куда их занесло и куда теперь лучше податься. Но он уже увидел за полем раскидистые кроны старых пристанционных деревьев, ближе, на склоне пригорка, темнело несколько хат с садками, пара копен припасенного летом сена, хлевки и сараи. Пониже, у речки, в конце огородов, за кустарником, сиротливо чернела банька – там, помнил Буров, была кладка через речушку, где, наверное, и можно будет перебраться с лошадьми на ту сторону.

Однако, пока не стемнело, их могли увидеть в поле, а в том деле, ради которого они сюда ехали, лучше было обойтись без свидетелей. Тем более без полицаев-бобиков. Если бобики их заметят, то, считай, все пропало, придется смываться в лес, подальше от людей и вообще от Мостища. Нет, надо было выждать полчаса или больше, пока стемнеет, и потом уже двинуться к станции.

Буров повернул кобылку в сторону Войтика, который, ссутулясь под мокрой, из домотканого сукна поддевкой, уныло сидел на распаренной мухортой лошадке, тоскливо поглядывая в поле.

– Видал вон! Приехали, – кивнул Буров в сторону станции.

Войтик знобко повел мокрым плечом, над которым косо торчал ствол его длинной «драгунки». На его худом, неведомо когда бритом лице под длинным козырьком черной кепки не отразилось ничего, кроме усталости и явного желания отдохнуть. Но до отдыха, наверно, было еще далеко.

– Вижу…

– Повременим немного. Стемнеет – поедем.

– А река там, – двинул острым подбородком Войтик. – Болото.

– Да уж переберемся как-нибудь.

– Хорошо – как-нибудь…

Ну конечно, Войтик уже сомневался, как это бывало не раз за дорогу. До чего осторожный человек, подумал Буров, все ему кажется не так, все он понимает иначе, все взвешивает по-своему. Буров уже досадовал, что ему достался такой напарник, но, видно, лучшего не нашлось, пришлось ехать с тем, кого дали.

Не спешиваясь, они укрылись в голом ольшанике на опушке, давая лошадям возможность отдохнуть; да и самим надо было перевести дыхание – впервые за сегодняшний день; Буров все оглядывал поле, памятное ему еще с того времени, как сам жил в этой деревне при станции. Летом тут была, кажется, рожь, однако давно уже убранная, истоптанная скотом нива раскисла от дождей, в густо затравеневшей стерне поблескивали налитые водой коровьи следы. Размякшие коровьи лепехи серыми пятнами лежали на стежке, по краю нивы. Притуманенная даль за полем и станцией медленно исчезала в ненастных сумерках, но вблизи было еще светло и их могли увидеть со станции.

– Думаешь, он нас ждет? – сказал, помолчав, Войтик, имея в виду то главное, что теперь беспокоило обоих.

– Может, и не ждет.

– Давно смылся куда. В полицию, может…

– Приедем – посмотрим. А то сядем в засаду, – ощущая невольное раздражение от несогласия напарника, сказал Буров.

Войтик настороженно повернулся в одну сторону, в другую, и, хотя смолчал, Буров понял, что садиться в засаду ему не очень хотелось. Хотелось скорее вернуться назад, в Воловскую пущу, к своим шалашам, где возле дымных костров теплее и уж наверняка безопаснее, чем в окрестностях этой станции. Весь день они пробирались сюда борами и перелесками, вымокли в хвойных зарослях; плечи, бедра и колени давно уже онемели от стужи. Ехали без седел, у Бурова под задом лежала какая-то измятая дерюжка, которая все время сбивалась то на одну, то на другую сторону, Войтик же трясся на ничем не покрытом хребте косматой своей лошаденки. Оба давно были голодны – слегка перекусили на рассвете в лагере, с собой взять было нечего, надеялись чем-либо разжиться в дороге. Но, к счастью или на беду, в дороге никто им не встретился, а в деревни они не заезжали, чтобы ненароком не наткнуться на полицию. Думалось, сделают дело, будут ехать назад, тогда, может, куда и заскочат, перехватят чего-нибудь и погреются.

Вообще все это не нравилось Бурову. Да и Войтику, он видел, тоже.

Уж лучше сходить куда-либо на связь – в деревню или на дальний хутор, даже посидеть возле шоссе в засаде, чем отправляться на такое задание. Но вот пришлось, хотел или нет, начальство о том не спрашивало, приказало, и все – беги исполняй. Впрочем, тут было понятно: этого Сущеню в отряде, кроме Бурова, знал в лицо еще Ковзан, отиравшийся с лета при кухне. Но Ковзана разве пошлешь на ответственное задание – этот деревенский дядька за свою жизнь и одного раза не выстрелил из винтовки, ему ли справиться с сильным, здоровым Сущеней?

Хотя, если разобраться, то сетовать пока было не на что, все складывалось, в общем, терпимо, и Буров был бы почти доволен, если бы ему удалось немного отдохнуть. За последние дни он основательно вымотался, прошлой ночью не спал вовсе: под утро вернулся из-за Рессы, где разведывал новое место для лагеря (начальство решило менять на зиму лагерь – подальше зашиться в лесные дебри, потому что, когда замерзнут плавни и болота, в пуще отряду не удержаться). Три дня они с Хомутовым и еще одним разведчиком из-под Уллы ползали-лазали возле этой Рессы, кое-что там все-таки высмотрели и только – мокрые, усталые и голодные – вернулись в отряд, как на тебе: поезжай в Мостище. Что ж, Буров не привык отказываться, сказал: есть, будет сделано. Но это не значит, что в его душе играли оркестры – душа его плакала, словно на похоронах, ужасно хотелось хотя бы на часок прикорнуть в тепле и покое; по дороге он боялся нечаянно заснуть и свалиться с кобылы. Потому и гнал, не давая отдыху ни себе, ни Войтику, то и дело костеря в мыслях своего землячка Сущеню.

Постепенно, однако, гнев его стал убывать, Буров начал свыкаться со своей малоприятной, если не сказать, пугающей миссией. Но вот теперь, когда только поле отделяло его от усадьбы предателя, он почувствовал, как опять в нем поднимается злая решимость: надо

же пойти на такое! Против своих же людей. Вообще Буров был человеком крайних взглядов и твердых убеждений, людей он или принимал целиком, или так же целиком отвергал, не признавая никакого права на смягчающие обстоятельства, особенно сейчас, в войну. Действительно, разве теперь можно считаться с какими-то там обстоятельствами, когда погибло столько людей и конца этой гибели не видать. Наверно, тут нужно одно: железная твердость. И если уж попался в их лапы, то умри по-человечески, не навредив другим. Тем, кто еще имеет возможность что-либо сделать, а может, и отомстить за твою погибель. А этот придурок Сущеня, видишь ли, захотел выжить и продал путейцев. Как будто они не хотели жить или у них на жизнь было меньше прав. Нет, в отряде решили справедливо: такого надо пристукнуть, чтобы неповадно было другим.

Вот только заниматься этим очень не хотелось Бурому, уж лучше бы кто другой. Жаль, другого у них не нашлось, такое противное дело досталось Бурову, и он был вынужден весь день трястись верхом на кобыле, пока добрался до Мостища.

Теперь вот предстояло самое трудное.

Чем оно ближе подступало, это трудное, тем все большее беспокойство охватывало Бурова. Бесконечное количество раз он прокручивал в голове, как прикончить Сущеню, и остановился на самом простом решении: не рассусоливать, не заводить разговоров, отвести куда-нибудь и застрелить. Если будет сопротивляться, хитрить или оправдываться, застрелить на месте. Самое худшее, конечно, было не застать его дома, дожидаться или искать, если куда сбежал. Если удрал в местечко под защиту полиции, то совсем будет плохо, тогда задание его, считай, сорвалось. Придется возвращаться ни с чем, оправдываться перед командиром Трушкевичем, который больше всего на свете не терпел оправданий, это Буров хорошо запомнил. В таком деле он уже был научен: однажды побыл неделю обезоруженным – Трушкевич приказал сдать винтовку, оставив себе штык. Случилось так, что в Слободе, куда они ходили за взрывчаткой, им показали фигу и они вернулись с пустыми руками. А надо было постараться, проявить инициативу, «раскинуть мозгами», как сказал Трушкевич, и выполнить задание, «хоть кровь из носу». Так требовал этот старший лейтенант из окруженцев первого лета войны. Если что теперь у них не получится, он взыщет с обоих.

– Главное, ты не отставай и не высовывайся. Лучше всего, чтобы я тебя спиной чувствовал. А что надо, я сам сделаю, – сказал Буров, не оборачиваясь к Войтику.

Тот опять заметно нахохлился.

– А кони?

– А что кони? Коней, если что, подержишь.

– Надо бы еще кого взять, – громко высморкавшись на траву, мрачно заметил Войтик. – Третьего. Все бы управнее было. А то что вдвоем…

– Ну, ты умник гляжу! – начал раздражаться Буров. – Чего же там молчал? Сказал бы командиру: давайте третьего! Так молчал же?..

– Молчал, молчал, – проворчал Войтик и зло дернул за повод коня, который упрямо тянулся под куст за клочком зеленой травы. – Ну ты, лярва, все не нажрешься!

Тем временем постепенно темнело – медленно и неохотно; в поле еще было светло, а станционные постройки по ту сторону речки все больше окутывались серым сумраком, высокие деревья на станции уже вовсе пропали в тумане. Наверное, можно было ехать, тем более что становилось все холоднее на этой продуваемой ветром опушке; редкие сосны вверху гневно гудели от ветра, да и оголодавшие лошади не хотели стоять – тянулись в ольшаник, жадно драли траву вместе с влажным зеленым мхом.

– Так. Давай помалу через поле на кладку, – бросил Буров и завернул кобылку.

Лошади пошли полем, звучно чавкая копытами в раскисшей от дождей борозде. Опушка осталась сзади, и в душе Бурова начало разрастаться холодноватое чувство тревоги: как бы ненароком их не подстерегли по ту сторону речки, у баньки или на огороде, как бы не

напороться на какую холеру. Все-таки за версту от станции находилась полиция, кто знает, сидят ли полицаи теперь в своем бункере или, может, как и они, носятся по дорогам и деревням, а то еще и устроят засаду. Мало ли они за лето нарывались на полицейские засады? Особенно на хуторах, проселках, возле мостов и кладок. Теперь, в этом поле, он не подгонял кобылку, и та шла, как хотела, устало клёкая копытами в грязи, а он, напрягая зрение, пристально всматривался в приречный кустарник, туда, где когда-то была кладка. Хотя он родился тут и подростком обегал все окрестности, с того времени, как отец в коллективизацию перебрался с семьей в местечко, Буров ни разу не побывал здесь – не было надобности, потом служил в армии на Дальнем Востоке, а два последних предвоенных года работал в районе – гонял по дорогам полуторку. И вот сейчас, проезжая по знакомым местам, едва узнавал их, хотя не многое здесь изменилось. По крайней мере, опушка, дорога и поле были совершенно прежними; когда-то он тут пас коров, возил с плавней сено, знал тут каждое болотце и каждую стежку.

Кажется, однако, и в поле, и возле речки было пусто, лишь в приречном лозняке на ветру копошилась непоседливая воробьиная стайка да с изгороди возле баньки лениво взлетела ворона. Он уже видел там сущеневский огород с двумя аккуратными стожками возле сараев, от баньки туда, помнится, вела хорошо утоптанная стежка. Когда-то подростком он бегал там, зарясь через плетень на толстые стручки сущеневских бобов; одно лето той стежкой гонял к речке гусей. Сущеня тогда был неженатым, в общем, спокойным, покладистым парнем, лет на десять старше его; на Кольку Бурова он мало обращал внимания, занятый своими интересами, своей компанией. Но чем-то он даже нравился Бурову, может, своей незлобивостью в отношениях с другими – взрослыми и детьми. Кто бы подумал, что их судьбы когда-нибудь пересекутся таким дьявольским образом? Но вот пересеклись…

Речка была неширокая, с крутыми, местами подмытыми в паводок берегами и кладкой – двумя брошенными на коряги гниловатыми досками. Буров соскочил с кобылки, потянул за повод; противясь, та взмахнула головой, нерешительно переступила передними ногами – боялась идти в воду. Может, правильно боялась, подумал Буров, черт его знает, какая тут теперь глубина. Но, может, не утонет?.. Он сильнее дернул за повод и сам нерешительно ступил на притопленный конец кладки, направляя кобылку рядом. Наконец та, видно, решилась, осторожно сошла с берега и вдруг отчаянно бросилась в реку. Он торопливо переступил по кладке, которая предательски подалась под ногами, почти до дна уходя в воду. Едва удержавшись на доске, выпустил из руки повод; кобылка, подняв множество брызг, испуганно выскочила на ту сторону и остановилась, отряхиваясь и озираясь. Мысленно выругавшись, Буров неторопливо выбрался из реки и подобрал в траве мокрый повод.

Сзади, не слезая с коня, чего-то дожидался Войтик.

– Ну что стал? Давай верхом. Тут неглубоко…

Войтик перебрался более удачно, его конь тяжеловато вскарабкался на берег, и Войтик, соскочив наземь, взял из рук Бурова повод. Стоя на одной ноге, Буров стянул сапог, вылил воду, отжал мокрую дырявую портянку.

– Не хватало еще, холера…

Впереди и немного в стороне на речном берегу ютилась почерневшая от дыма и времени кособокая банька, рядом с ней вольготно раскинулась дичка-грушка. Наверно, там можно было укрыться, и Буров повел туда озябшую кобылку. Промокшая его нога коченела все больше, да и другая не убереглась от воды – дырявые сапоги чавкали на ходу, надо было переобуться, сменить портянки (если бы они у него были в запасе). Но, еще не дойдя до баньки, он учуял знакомый запах дыма и встревожился. Если от баньки тянет дымком, значит, ее топят или уже истопили и моются, надо же было угодить сюда в такое неподходящее время! Но поворачивать, пожалуй, было уже поздно – их могли увидеть в крохотное окошко из баньки.

Буров зашел с глухой, надречной стороны баньки, прислушался. Здесь уже вовсю пахло дымом, сажей, сухой нагретой глиной. Подъехав поближе, Войтик тоже соскочил с коня. Покосившаяся дверь бани была заботливо подперта еловым колом – значит, внутри еще никого не было. Наверно, еще только собирались мыться.

Войтик с напряженной озабоченностью ждал, что делать дальше, и Буров решил:

– Давай по стежке туда. Вон его хата…

Хата и надворные постройки сущеневской усадьбы темнели в вечерней мгле, с улицы баня почти не просматривалась. Лишь бы не встретить кого в огороде на стежке, подумал Буров. Впрочем, если кто и встретится – не большая беда, дела у них всего на минутку, долго они тут не задержатся. Только бы не наскочить на полицию. Но в такой именно серый час суток люди еще не заперлись по хатам, заняты во дворах, собирают на ночь скотину, наверно, в такое время полиция не очень усердствует. Усердствовать она начнет чуть позже. Когда вокруг все утихнет.

С лошадьми на поводьях они подошли ко двору и сразу очутились на дровокольне с недавно привезенными из леса березовыми кругляками, беспорядочной кучей сваленными возле изгороди. Рядом на земле стояло старое корыто, валялись какие-то ведра, прислоненные к стене сарая, стояли грабли и вилы. С улицы дровокольню не было видно, а от поля ее прикрывал близкий стожок на огороде, и Буров, прислушавшись, отдал Войтику повод.

– Стой тут и жди. Если что, я стрельну.

– Недолго чтоб.

– Недолго, недолго…

Войтик перехватил веревочный повод, а Буров снял из-за спины карабин и тоже отдал напарнику. Наверно, карабин ему теперь не понадобится, в его деле можно обойтись и наганом, который в твердой кожаной кобуре висел на ремне. За пазухой под шинелью у него была круглая, с острым ободком немецкая граната – пожалуй, хватит на одного Сущеню. Если их там окажется больше, дело, конечно, усложнится. Если больше, придется поволноваться. Но как-нибудь.

Стараясь ступать потише, он прошел по грязному двору к дверям в сени, осторожно приоткрыл их за клямку и прислушался. Из хаты вроде никого не было слышно, только где-то из-за перегородки подала голос свинья; он переступил порог и начал тихонько притворять за собой дверь. Но тотчас же распахнулась дверь из хаты – рослый мужчина, в черном ватнике, с хмурым свежевыбритым лицом, без шапки, пугливо уставился в полумрак. Это был, конечно, Сущеня, Буров узнал его и сдержанно сказал из сеней:

– Можно к вам?

Хмурое лицо Сущени, похоже, нахмурилось еще больше, чуть помедлив, он растворил дверь шире. С понятной опаской в душе Буров переступил другой порог и поздоровался. Однако ему не ответили, кажется, в хате никого больше не было. На уголке стола смрадно чадила коптилка, за прикрытыми дверцами грубки разгорались дрова. В их мигающем свете на полу откуда-то появился мальчишка лет четырех, удивленным, почти восхищенным взглядом широко раскрытых глазенок уставился на Бурова. В руках он держал грубо вырезанную из куска доски игрушку, которую тут же с готовностью протянул гостю.

– Во, лошадка! Мне папка сделал.

В искреннем ребячьем жесте было столько ласки и доверия, что Буров не удержался, взяв игрушку, рассеянно повертел ее в руках, похвалил:

– Хороша лошадка.

– А мне папка и собачку сделает. С хвостиком.

– С хвостиком – это хорошо. Как тебя звать?

– Меня звать Глыша. А папку Сусцэня.

– Значит, будешь Григорий Сущеня, – сказал Буров. Он уже пожалел, что начал этот ненужный разговор с ребенком. И обернулся к хозяину, молча стоявшему возле порога. – Ну, как живется?

– Садись, чего уж, – выдавил из себя хозяин. – Не узнал сперва. Изменился…

– Так, наверно, и ты изменился, – сказал Буров и, ощутив минутное, вовсе не свойственное ему замешательство, присел на скамью в простенке.

Тут же к нему, по-утиному переваливаясь на выгнутых ножках, проковылял Гриша, доверчиво прислонился к колену.

– А у Лёника патлон есть, – ласково заглядывая Бурову в лицо, сообщил он. – Что стлеляет. Пух!

– Вот как! Патроны теперь не для ребят, – строго заметил Буров.

– Да не патрон, Гриша, – поправил отец. – Гильза у него.

– Ага, гильза.

Гриша тем временем оставил игрушку и, засунув в рот коротенький пальчик, принялся рассматривать гостя.

– Я к тебе, Сущеня, – с дурацким напряжением в голосе сказал Буров, осторожно отстраняя от себя малыша. Тот, однако, продолжал льнуть к гостю.

– И пуля у него есть. У Лёника.

– Ладно, Гришутка, иди на кроватку, там поиграешь, – сказал Сущеня и подхватил сына на руки.

Гришутка протестующе захныкал, засучил ножками, но отец спокойно отнес его на кровать и расслабленно вернулся к грубке.

– А жена где же? – спросил Буров.

– Корову доит. Сегодня вот баню протопил, мыться собрались.

Хозяин опустился возле грубки на низенькую скамеечку, нервно сцепил между колен большие крепкие руки.

– Мыться – это хорошо, – сказал Буров, думая уже о другом.

Он думал, что стрелять здесь Сущеню, наверно, было нельзя, этот малыш портил ему все дело, отца следовало куда-нибудь вывести – во двор или, может, к бане. К бане было бы лучше. Правда, выстрел могли услышать на станции, а им еще надо было перелезать через речку… Лучше бы, конечно, за речкой… Оттуда – через поле и в лес. Только как его доведешь туда? Вдруг догадается?

– Я знал, что придете, – сказал Сущеня с явным надломом в голосе, и в душе Бурова что-то недобро шевельнулось. Но Буров ничем не выдал того и почти бодро заметил:

– Знал? Ну и хорошо. Значит, вину свою понимаешь.

– Чего ж тут понимать, – развел руками Сущеня. – Никакой же вины нет на мне, вот в чем загвоздка.

– Нет?

– Нет.

– А ребята? – вырвалось у Бурова. – Что повесили?

– Ребят повесили, – согласился Сущеня и сокрушенно поник на скамейке.

Похоже, он даже готов был заплакать – коснулся пальцами глаз, но тут же, наверно, совладал с собой и выпрямился. В душе ругая себя за промедление и нерешительность, Буров почувствовал, как судороги сводят его озябшие ноги, портянка на левой к тому же сбилась и натирала стопу. Наверное, надо было кончать этот разговор и приниматься за дело. Однако не в лад со своим намерением он тянул время, будто не решаясь переломить себя, настроить на главное. Из запечья снова выбежал Гриша и деликатно приблизился к Бурову.

– Дядя, а у тебя наган есть?

– Нет, какой наган? – сказал Буров, слегка удивившись этому недетскому вопросу.

– А это что? – малыш показал на кобуру.

– Это так. Сумочка.

– А зачем сумочка? – добивался Гриша, засунув в рот крошечный пальчик.

Как-то расслабленно он обнял колени Бурова и ласково, словно котенок, стал тереться о них. Сущеня тем временем сидел напротив и не прогонял сына, похоже, он погрузился в свои, вряд ли веселые теперь мысли. Но в сенях стукнула дверь, и в хату не сразу, медленно переступив порог, вошла женщина с ведром, в теплом шерстяном платке на голове. Увидев чужого в простенке, опасливо насторожилась, но тут ее внимание привлек малыш, который уже пытался вскарабкаться к Бурову на колени.

– Гриша!

– А у дяди наган есть. В сумочке, – живо сообщил мальчишка.

На лице у хозяйки что-то дрогнуло, как, впрочем, дрогнуло и внутри у Бурова, который сразу признал в женщине Анелю Круковскую, бывшую ученицу станционной школы, где когда-то учился и Буров. Видно, она тоже узнала его.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Анеля, – с притворным оживлением ответил Буров, уже догадавшись, что его бывшая одноклассница стала женой Сущени. Разговор у них, однако, не пошел, обоим мешало что-то. Буров, конечно, понимал что, но, по-видимому, догадывалась и Анеля.

– Это… Надо же покормить вас. Голодные же, наверно? – после недолгого молчания нашлась хозяйка.

– Некогда, Анеля, – сказал Буров, тут же рассердившись на себя. Есть, конечно, хотелось зверски, так же, как посидеть, погреться в домашнем тепле, поговорить с молодой, приятной лицом женщиной, которой он даже симпатизировал когда-то. Очень хотелось Бурову отогреть озябшее за дорогу тело или, может, подальше отодвинуть то, ради чего он приехал сюда и чему невольно противилось его существо. Но как было расслабиться, забыть о том хоть на минуту? Он и так сидел, будто на углях: где-то на задворках его дожидался Войтик и, может, по улице уже шли сюда полицаи.

– Завесь окно, – тихо сказала Анеля мужу, а сама бросилась к посудному шкафчику в углу, затем к печи, зазвякала заслонкой.

Сущеня послушно завесил окно полосатой дерюжкой, висевшей на гвозде рядом, а Буров, подумав, решительно стащил с ноги мокрый сапог.

– У вас портянки какой не найдется? Переобуться.

– Портянки? Сейчас…

Анеля скрылась в запечье, слыхать было, что-то разорвала там и вынесла ему две мягкие теплые тряпицы. Дрова в грубке весело разгорелись, по полу и стенам мелькали багровые отблески, освещая красным и без того покрасневшую от стужи стопу Бурова.

– А как же мама твоя? Жива еще? – спросила Анеля.

– Мамы уже нет. Три года как…

– А сестра Нюра?

– И сестры нету. Убили весной в Лисичанской пуще.

С горестным вздохом хозяйка поставила на стол миску тушеной картошки, источавшей такой вкусный запах, что Буров поморщился и сглотнул слюну. Он не спеша переобувался, стараясь придать себе вид человека сытого, недавно вылезшего из-за стола. Сущеня тем временем шагнул за занавеску у печи и поставил возле миски початую бутылку, в которой знакомо блеснуло с пол-литра мутноватой жидкости.

– Так. Может, присядем? – вопросительно взглянул он на Бурова.

Тот решительно покачал головой.

– Нет. Я не буду.

– Что ж, жаль. Тогда я, можно?

– Ладно, – согласился Буров. – Только недолго.

Сущеня налил полный стакан и выпил – разом, с какой-то недоброй решимостью, словно навсегда и без оглядки бросаясь в омут, пожевал корку хлеба и замер возле коптилки. Анеля ставила перед ним тарелки – с салом, колбасой, огурцами, – украдкой поглядывая то на мужа, то на Бурова, переобувавшегося в простенке.

– Эх, как не по-людски все! – скрипнул зубами Сущеня, и Анеля метнулась к Бурову.

– Это ж правда! Разве мы надеялись на что или ждали! Как его взяли, у меня сердце зашлось, неделю спать не могла, все глаза выплакала. Ну выпустили, что ж теперь делать? Разве ж по его воле?..

То и дело сглатывая слюну и не переставая следить за всем, что происходило в хате, Буров одновременно вслушивался, стараясь не пропустить какой-либо звук со двора. Но на дворе и на улице вроде все было тихо, в незавешенном возле порога окне уже густо расплылась ночная темень. Пробравшись к застолью, Гриша устроился на скамье возле отца – ближе к еде; кажется, он уже потерял интерес к гостю.

– Он же ничем не погрешил против них, он же их выгораживал, – тихонько заплакала Анеля, и Буров не удержался:

– Но ведь повесили! А его выпустили. За что?

– А кто же их знает, за что.

– Нет, так не бывает.

Сущеня при этих словах отшатнулся от стола, пристукнул большой рукой по столешнице.

– Ладно, Анеля, что говорить! Судьба!

– Да, – неопределенно произнес Буров и поднялся со скамьи. Надо было кончать этот разговор. – Пошли!

Он вышел на середину хаты, подтянул на шинели ремень. Будто окаменев, Сущеня продолжал сидеть за столом, навалясь грудью на край столешницы. Казалось, он не слышал, что сказал Буров, вдруг задвигался, поспешно налил себе из бутылки и снова одним глотком опорожнил стакан.

– А, черт с ним… Пошли!

– Куда? – взвилась Анеля. – Куда ты его? Куда?

Она зарыдала – не громко, но страдальчески и безутешно, за ней заплакал малой, и Буров испугался, что они своим плачем взбудоражат полстанции. Правда, Анеля вскоре зажала руками рот, начала плакать тише, потом подхватила на руки малого. Сущеня тем временем набросил на плечи ватник.

– Пошли. Это…

Будто вспомнив о чем-то, обернулся, торопливо поцеловал жену и решительно шагнул к двери. Его дрожащие руки бегали по груди в поисках пуговиц, чтобы застегнуть ватник.

– Куда вы?! – снова закричала Анеля и зарыдала так, что Буров сжался от страха.

– Ну надо, – сказал Сущеня жене. – Ненадолго. Ты не плачь, успокойся…

Он говорил тихо, с сочувственной добротой в голосе, и, наверно, это подействовало, Анеля скоро умолкла. Правда, ее губы еще безмолвно подергивались, а глаза недоверчиво впились в лицо мужа. Она будто пыталась разувериться в том, о чем уже догадалась.

– Тут на одно дело надо, – соврал Буров, у которого от этого прощания нехорошо защемило сердце. – Скоро вернется.

Прижимая к себе малого, она все еще бросала тревожные взгляды то на мужа, то на Бурова, которому очень не терпелось скорее кончить все это и уйти за речку.

– Приду, ага, – спокойнее подтвердил Сущеня.

– Так это же… Как же ты? Ничего с собой не взял, – встрепенулась Анеля. – Хоть сала возьми…

Наверно, она все-таки поверила, выпустила из рук мальчишку, кинулась к столу, суетливо засобирала на дорогу – сало, хлеб, дрожащими руками заворачивала все в какую-то бумажку.

– Вот перекусить. А то как же без еды… И это… Луковицу дам…

– Не надо! – безразлично сказал Сущеня, заталкивая сверток в тесный карман.

И Анеля опять насторожилась.

– Ты же любишь, чтоб с луком… – напряглась она, снова заподозрив что-то и готовая вот-вот заплакать.

– Если любишь, так возьми, – поспешно сказал Буров и повернулся к Анеле. – Ага, давай и лучку. С лучком оно вкуснее. Сало особенно.

Где-то под припечком Анеля нашла пару луковиц, одну сунула в руки мужа, другую протянула Бурову. Тот взял, похвалил лук.

– Пригодится. На закусон.

Анеля вроде стала спокойнее, похоже, поверила обману, хотя все еще выглядела напряженной, то и дело вытирала глаза. Но уже не плакала.

– Если задержусь, мойтесь без меня, – сказал Сущеня.

Они вышли из хаты – Сущеня впереди, Буров за ним. На дворе уже стемнело, дул холодный ветер, но дождя не было. Сущеня стал какой-то нерасчетливо резкий в движениях, широко шагнул с крыльца и остановился на грязном дворе.

– Куда? – не поворачиваясь, спросил он.

– Туда, туда, – указал Буров в сторону дровокольни.

Хозяин сделал несколько шагов и снова остановился.

– Лопату взять?

– Возьми, что ж, – подумав, согласился Буров и проследил за тем, как Сущеня, перебрав в подстрешье какие-то палки, вытащил из-под них лопату. – Что ж, сам понимаешь, – тихо, будто извиняясь даже, сказал Буров. – Если выдал…

Сущеня так резко обернулся к нему, что Буров от неожиданности отпрянул, и хозяин выдавил с приглушенной яростью:

– Я не выдавал!

– А кто же выдал? – удивился Буров.

– Не знаю. Не знаю!..

– Но ведь тебя выпустили?

– Выпустили, сволочи! – с отчаянием выдохнул Сущеня и подавленно добавил: – Лучше бы повесили. Разом.

Последние слова он приглушенно бросил через плечо, будто с остатком слабой надежды оправдаться, что ли. Но теперь какой смысл оправдываться, подумал Буров, разве перед ним следователь? Буров – не следователь и не судья, он только исполнитель приговора, а приговор этому человеку вынесен там, в лесу, ему ли пересматривать его. Но как было и исполнять, если исполнитель уже поколебался в сознании своей правоты?

Времени, однако, у них было немного, даже совсем не было времени. Тем более чувствовал Буров, что он просто может завязнуть в этой запутанной истории с Сущеней и провалить все задание.

Они торопливо обошли дровяной завал во дворе и свернули на дровокольню, где топтались во тьме две лошади и рядом притопывал озябший Войтик. Тот сразу отдал Бурову повод его кобылки, и они скорым шагом пошли к бане – Войтик впереди, Буров сзади. Между ними с лопатой в руке шел Сущеня. К своему удивлению, Буров нисколько не опасался его, не думал, что тот может сбежать в ночи или, обернувшись, ударить лопатой по голове. Он не столько понимал, как подсознательно чувствовал, что Сущеню что-то удерживало от враждебных по отношению к нему намерений, хотя, конечно, тот не мог не сознавать, куда они

шли. Правда, на всякий случай Буров поближе к пряжке передвинул на ремне наган, расстегнул язычок кобуры. Карабин он нес на плече и все время напряженно думал: где? Где ему покончить с этим человеком, чтобы наконец скинуть с себя гнетущую обязанность и скорее вернуться в отряд? Что-то, однако, все время мешало ему – какая-то неопределенность в обстоятельствах, что ли? Все-таки впереди было много неясного, путь им преграждала река, перейти через нее – тоже требовалось время. В поле под лесом, конечно, было удобнее, чем на этих станционных огородах, под носом у бобиков. Сам не признаваясь себе, он между тем умышленно медлил, словно до последней возможности отодвигал тот самый неприятный момент, за которым наступит облегчение. Что-то в нем еще не созрело, чтобы он мог решиться окончательно и без сожалений.

Вопреки опасениям Бурова речку теперь преодолели легче, чем в первый раз, Войтик взобрался на коня и осторожно переехал ее возле кладки; по кладке на ту сторону довольно сноровисто перебежал Сущеня. Чтобы не намочить ноги, Буров также благополучно переехал речку верхом, и они остановились на болотистом берегу за лозняками. Буров еще ничего не решил, но Сущеня эту короткую заминку, наверно, понял по-своему и взмолился:

– Ну что вы, братцы! Берег же весной заливает, торфяник тут…

– А ты что, песочка захотел? – без определенного, однако, намерения сказал Буров.

– А хотя бы и песочка! Все-таки лучше, сам понимаешь. Придется же когда-нибудь и самому…

– Песочка? – сказал Буров, подумав. – Ну ладно, поехали. В сосняке – там песок.

– Ну хотя бы в соснячке, – дрогнувшим голосом согласился Сущеня.

В поле было темно и очень ветрено, внизу на черной раскисшей пашне ничего не было видно, только рядом на фоне мрачного, покрытого тучами неба тускло выделялись ветки кустарника и вдали, за полем, высокой стеной чернел хвойный лес, откуда они приехали вечером. К этому лесу Буров и направил кобылку, и они долго хлюпали по грязи, пока не выбрались на жнивье, где стало немного суше. Сущеня с лопатой на плече все время держался рядом, идя вровень с Буровым, несколько раз порывался заговорить о чем-то, но только безнадежно вздыхал. А Буров, покачиваясь из стороны в сторону на усталой кобылке, думал, что напрасно этот Сущеня отрицает свою вину, все факты против него, и из них самый неопровержимый тот, что ребята погибли, а он живой. Его отпустили! Ну что еще надобно, какие доказательства? Рельсы развинчивали вместе с этим вот бригадиром путейцев, а почему его отпустили, он объяснить не может. Не знает! Но за так гестапо не отпускает, это и дураку понятно. А то все твердит: не виноват, не выдавал никого. Но вот же идет! Знает, куда ведут, и даже прихватил лопату, а идет. Не убегает, не сопротивляется, а идет. Разве бы шел он с такой покорностью, если б был невиновен?..

А может, именно потому и идет, что невиновен?

Черт его знает, думал Буров, мучительно ощущая, как все в его голове странным образом перепуталось, и сколько ни думай, все равно чего-то не сообразишь, так все взбаламутила эта война. Или, может, Буров чего-то не знает? Хотя что изменилось бы, если бы он и знал все? Он же приехал сюда не затем, чтобы разбираться или понять что-либо, его дело проще пареной репы – застрелить предателя. Чтобы другим было неповадно, чтобы знали, как партизаны карают тех, кто предает своих, прислуживает немцам.

На опушке они переехали пустую в ночи гравийку, и Буров соскочил с кобылки – ехать в темноте по кустарнику было невозможно. Пока он слезал, Сущеня подождал рядом, Войтик тоже спешился сзади. В лесу было мокро и стыло, сверху с ветвей то и дело падали холодные капли, но ветер тут немного утих и казалось немного теплее, чем в открытом поле.

– Тут пригорок где-то, – припоминая местность, сказал Буров.

Сущеня согласно указал рукой в мрачные заросли.

– Да вон боровинка рядом.

– Ну давай. Иди ты вперед.

Сущеня молча пошел впереди, следом Буров вел на поводу кобылку; мокрые ветки иногда цеплялись за шапку, за плечи, и он едва успевал уклоняться от них, иногда Сущеня придерживал ветку рукой, чтобы не стегнуть Бурова. Придорожный кустарник скоро, однако, кончился, они выбрались на более свободное место; чистый, без травы и зарослей лесной дол под ногами начал подниматься в гору. Впереди была боровинка – лесной пригорок, негусто поросший старыми соснами, мощный шум которых широко расплывался вверху. Эту боровинку Буров помнил еще с детской поры, здесь по весне ребята разжигали костры, затевали игры, летом под соснами любили отдохнуть грибники. Боровинка пологим увалом огибала опушку, дальше снова тянулись кустарники с островками берез и сосен.

Они взобрались на плоскую вершину пригорка и остановились. Всюду было тихо, темно, терпко пахло лесной сыростью и хвоей. Вокруг по склонам темнели толстые комли сосен, редкие кусты можжевельника, какие-то непонятные пятна, но Буров давно уже привык к загадочному виду ночного леса, тот его мало тревожил. Теперь его больше тревожил Сущеня.

– Ну, – нарочито бодро произнес Буров. – Чем не местечко? На любой случай!

– Случай!.. Если бы мне сказали когда… – уныло начал и не кончил Сущеня.

Ссутулясь, он стоял на пригорке, устало дыша и всем своим обиженным видом свидетельствуя, что совершается несправедливость, с которой он бессилен бороться и вынужден ей подчиниться. Буров видел это, и ему все больше становилось неловко от своей незавидной роли в этой истории. И он сказал, может, для того, чтобы слегка ободрить Сущеню, а заодно и себя тоже:

– Конечно, все случается. В такую войну…

– Но ведь это дико! – вскрикнул Сущеня, и Буров сердито его одернул:

– Тихо ты!

И оглянулся на Войтика, молчаливо стоявшего с лошадью несколько ниже, на склоне пригорка.

– Войтик, покарауль там, у дороги. Пока управимся…

Не сразу, по своему обыкновению сперва о чем-то подумав, Войтик потянул за повод коня и молча пошел вниз к опушке и недалекой отсюда гравийке. Буров отпустил свою кобылку – пусть попасется немного.

– Ну давай! Где ты хочешь? – просто, как о чем-то малозначительном, спросил он Сущеню.

Тот, будто очнувшись от угрюмой задумчивости, с силой вогнал в землю лопату.

– Правду сказал тот Гроссмайер – у него не выкрутишься.

«Ага, уже и какой-то Гроссмайер, – подумал Буров. – Вот так и… Не связь ли обнаруживается?» Он отошел на три шага в сторону, чтобы не мешать Сущене, стал на пригорке. Вообще он понимал, что, согласившись свернуть сюда, в лес, делает не то, и прежде всего тратит попусту ценное время ночи, за которое они бы отъехали далеко, что завтра как бы не пришлось пробираться среди бела дня возле шишанского гарнизона, засветло переходить шоссейку. Но он невольно оттягивал исполнение приговора, выискивая для того какие-то причины, и даже был доволен в душе, когда те причины отыскивались еще и у Сущени.

Молча, с упрямой настойчивостью Сущеня тем временем принялся рыть себе яму. Отбросив в стороны мох, он долбил жесткие корни; выбрасывал их наверх вместе с сухим белым песком и уже через несколько минут до колен углубился в землю. Еще немного подолбит, и, пожалуй, будет довольно, с отчаянной решимостью подумал Буров. Все-таки надо кончать. Как это сделать – выстрелить в него в яме или над ямой? Стрелять в грудь или в затылок? Как удобнее? Или, может, спросить у самого – на выбор? Буров хотел, чтобы все обошлось по-хорошему, без ругани и издевки. Все-таки свой человек, бывший сосед. К тому

же еще Анеля… И малый Гриша. Как все это противно, не по-людски. Пусть бы послали кого другого, в который раз начинал злиться Буров.

– Ты это, хоть не говори Анеле, – выпрямился в яме Сущеня, вытирая рукавом лоб и часто дыша от усталости.

– Что не говорить? – не понял Буров.

– Ну, что застрелил. Скажи, немцы убили. Потом уже, конечно, выяснится ..

– Там видно будет, – уклончиво ответил Буров.

«Чудак-человек! – подумал он о Сущене, который, немного передохнув, снова принялся копать. – О чем беспокоится…» На пригорке уже вырос свежий песчаный холмик, он отчетливо белел на земле, быстро разрастался вширь. Сущеня работал что надо, наверно, действительно заботился, чтобы могила была не хуже, чем на станционном кладбище. Но тут ему не кладбище, чтобы делать все основательно и с любовью, да и он не тот, кого хоронят на кладбищах. Прежде всего он предатель, а потом уже все остальное, старался разозлить себя Буров. Но это плохо ему удавалось, мешали сомнения, и главное сомнение шло, по-видимому, от непротивления Сущени, от его почти добровольного примирения с тем, что его ждало. Самое лучшее было, конечно, не думать о том, побыстрее сделать свое дело и смыться. Но вот думалось…

– Ну, может, хватит? – сказал Буров, шагнув на песок, и Сущеня устало выглянул из ямы. – Закапывать много придется.

– Ага, ты уж закопай, я тебя попрошу. Ватник… Ватник бы надо Анеле отдать.

– Ватник? Давай. Передам как-нибудь.

– Ага. Хорош же ватник. Когда она такой справит. Вдова.

Отставив в сторону лопату, Сущеня снял с себя ватник, бросил под ноги Бурову. Тот взял, отряхнул от песка, ощутив тяжесть свертка в кармане, и, ступив в сторону, оглянулся. Кобылка, слыхать было, тихо паслась возле кустарника, она не любила ночью далеко отлучаться от хозяина, и он знал это. Его вдруг встревожил недалекий шорох возле дороги, который, показалось, как-то внезапно прервался, и Буров тихо позвал:

– Это ты, Войтик?

Но из кустарника никто не откликнулся, потом там что-то хрустнуло – явно и подозрительно. Буров постоял недолго и вдруг, пригнувшись, схватился за карабин. Он еще ничего не увидел в темноте, но уже отчетливо ощутил угрозу, исходящую из кустарника, где наверняка появились люди.

– Стой! – негромко приказал он.

И присел на корточки, чтобы лучше увидеть во тьме. Какая-то тень метнулась между неподвижных кустов можжевельника и исчезла.

– Стой!! – сдавленно крикнул Буров.

Но только он поднес к плечу приклад карабина, чтобы выстрелить, как с той стороны грохнуло разом три выстрела, пули ударили в ствол ближней сосны, обсыпав его крошкой коры. «Что же это такое? Там же Войтик, там Войтик…» – забилась в голове почти паническая мысль, и он выстрелил тоже – два раза подряд. Оттуда началась густая стрельба, пули сыпали сверху хвоей, взбивали песок; Буров все напрягал зрение, стараясь хоть что-то увидеть в темноте, но почти ничего увидеть не мог. Тогда он начал стрелять по кустарнику наугад. Но только сделал два выстрела, как со стоном опустился наземь, подкошенный острым ударом в бок. «Ну, попали! Попали…» В кустарнике под боровинкой уже явственно замелькали зыбкие тени, он выстрелил еще раз и, испугавшись, что его окружат, отскочил в сторону, кувырком скатился с пригорка.

Не разбирая дороги, он шатко бежал по лесу, неся горячую спицу в боку. Сзади слышались крики, грохотали торопливые выстрелы, хлесткими сквозными ударами они пронизывали темное лесное пространство, коротким эхом отдаваясь вокруг. Он все бежал, сколько

хватало силы, хорошо понимая, что только ноги и темень могут спасти его. Он не выбирал пути, потерял шапку, несколько раз больно натыкался на низкие сучья сосен, вдобавок угодил в хвойную чащу молодняка. Запутавшись ногами, упал, но тут же ухватился за ветку, поднялся снова и едва выбрался из зарослей. Выстрелы тем временем стали реже и раздавались на значительном удалении; кажется, он оторвался от преследователей. Под ногами началось болотце, жесткие травяные стебли цеплялись за ноги, не давая бежать. Впрочем, бежать он уже и не мог, шаг его все замедлялся, наконец ноги подкосились и он снова упал, уже не пытаясь подняться. Сознание его стало тускнеть, пропадая и возвращаясь разве что с приступами острой, почти непереносимой боли. Он судорожно повернулся в траве и застыл, так и не поняв, спасся или гибель все-таки настигла его.

Заслышав рядом встревоженный крик Бурова, Сущеня обмер от испуга в своей яме-могиле, а потом, как загремели выстрелы, сжался, втянул голову в плечи. Он не сразу понял, что стряслось наверху, и, только когда рядом мелькнула согбенная тень Бурова, смекнул, что надо удирать. С необычайной ловкостью он выбросил из ямы свое дюжее тело, перевалился через песчаный бруствер. Между частых, торопливых выстрелов с дороги уже слышались невнятные крики, пули с продолжительным визгом пронизывали лесную темень, но стреляли не по нему – наверно, вдогонку Бурову. И потный, разгоряченный Сущеня припустил с пригорка несколько в ином направлении, но тоже от тех, что приближались с дороги. Он не знал, что это были за люди, свои или немцы, но если побежал Буров, то и ему надо было спасаться. И он бежал – сперва с боровинки, потом по кустарнику в глубь леса, едва не грохнулся на землю, зацепившись за корягу, ободрался в кустарнике, выскочил на край болотца с мягким, податливым мхом внизу. Дальше было кочковатое болото, но он знал, что болото можно было обойти стороной, взяв ближе к пригорку с соснами. И так он бежал долго, пока вконец не уморился, потом пошел шагом. Его не преследовали, может, его и не заметили даже. Какое-то время позади на боровинке слышались голоса и бахали редкие выстрелы, по-видимому в ту сторону, где исчез Буров. Хотя и за Буровым они вроде не погнались, похоже, они остались на боровинке, возбужденно переговариваясь, их слова в лесном шуме едва достигали слуха, и Сущеня не мог ничего разобрать. Он слушал и ждал, куда они направятся дальше – следом за ним или вдогонку за Буровым, будут искать или нет. Стрельбу, однако, они прекратили, опять воцарилась лесная тишина, лишь сонно шумели сосны. И Сущеня впервые подумал, что, судя по всему, его расстрел пока что откладывается и появляется странная возможность спастись. Только где оно, это спасение, в какой стороне? Дома он наверняка не спасется, дома его настигнут тотчас же, как только он там появится. Но где не настигнут? Куда ему податься, чтобы воспользоваться той удачей, какую нежданно послала разнесчастная его судьба?

Он пошел тише и осторожнее, стараясь не натыкаться в темноте на торчавшие всюду сучья, оглядываясь и прислушиваясь. Становилось чертовски холодно, стыли руки, ледяной корой бралась на спине рубаха. Он долго и почти вслепую брел в негустом здесь сосняке, стараясь услышать что-либо сзади, с пригорка. Но там, похоже, все смолкло или затаилось на время. «А может, они ушли оттуда, зачем им сидеть ночью в лесу?» – подумал Сущеня. Где-то там остался его ватник, но ватник уже не возьмешь – ватник они, конечно, подобрали сами. Все же, наверно, это полицаи, иначе Буров не стал бы в них стрелять, да и они в Бурова тоже. Только как полицаи оказались тут? Выследили? Или, может, услыхали их возню у дороги? Но ведь там был этот, другой партизан, куда он подевался? Может, убили? Наверно, убили, если он ничем не дал знать о себе – ни криком, ни выстрелом.

Отойдя, может, на километр от боровинки, Сущеня остановился на краю старой вырубки, густо поросшей малинником и молодым хвойным подростом, перевел дыхание. Слух его чутко улавливал каждый звук в лесу, но, кроме шума деревьев, в ночи нигде ничего

не было слышно… Постояв немного, он полез было в чащу, но снова остановился, подумав: а вдруг они все побежали за Буровым и на пригорке никого не осталось? Недолго поразмыслив, Сущеня повернул назад и, выбравшись из зарослей, помялся в нерешительности: куда все же податься? Его по-прежнему влекла к себе боровинка, где осталась недокопанная его могила. Поколебавшись немного, он, крадучись, стал пробираться назад, к тому проклятому месту. Он должен убедиться, что там никого не осталось. А может, и поискать ватник.

Осторожным шагом Сущеня миновал пригорок и вышел к мокрому болотному берегу с чахлым ольшаником. Вокруг было тихо, и звучный хруст ветки под сапогом испугал его. Кажется, однако, никто его здесь не услышал, и он махнул рукой – черт с ним, с ватником! Вдруг там сидят в засаде и ждут. Напорешься, что тогда делать? В другой раз вряд ли спасешься. Он вспомнил, что куда-то сюда побежал Буров – выстрелы с боровинки тогда гремели именно в этом направлении. Неизвестно, удалось ли Бурову скрыться или его убили? А может, поймали и увели на станцию? Теперь в этой лесной глухомани, когда давило сознание безысходности, судьба Бурова почему-то всерьез обеспокоила Сущеню. Обойдя ольшаник, он взял немного в сторону, медленно, часто останавливаясь, побрел в ту сторону, где исчез партизан. Несколько раз под ногами пугающе потрескивали ветки, он настороженно замирал, но крика или выстрела не было, и он все смелее, без остановки пробирался дальше. Теперь ему надо держаться болотца и решать, куда сворачивать дальше. Куда идти. Потому что уже очевидно: на станцию ему путь заказан, на станции ему спасения не будет. Пожалуй, надо уходить в лес. Или на какой-либо хутор. А может, найти лесное пристанище, подальше от людей, деревень и дорог? Где только найдешь его теперь, такое пристанище? Да еще поздней осенью, накануне зимы?

Отойдя на порядочное расстояние от боровинки, он снова набрел на низину с лозняком и ольшаником, вспомнил, что чуть правее начинался редкий молодой сосняк и дальше до самого бора тянулись перелески, березняк, хвойные посадки. Где-то рядом бежала лесная дорожка, но дорог теперь ему следовало избегать. Вытянув в темноте руку, он слепо брел краем сосняка, то и дело уклоняясь от холодных мокрых ветвей, придерживая шапку на голове. Встретившийся ему на пути молодой осинник, который он помнил с лета, лучше было обойти далеко стороной, и только он повернул от него, как в привычном ветреном шуме леса различил новый, непонятный звук. Будто лесной голубь сонно проворковал где-то и смолк. Сущеня выждал немного, вслушиваясь, и, встревоженный внезапной догадкой, полез в гущу осинника. Голубиный нутряной звук раздался явственнее и ближе; напрягая зрение, Сущеня осмотрелся. Было по-прежнему темно, но уже привыкшие к лесной темноте глаза Сущени различили в кустарнике едва заметный светловатый бугорок. Опустившись возле него на колени, Сущеня пошарил руками и сразу наткнулся на ложу винтовки в траве, нащупал разбросанные полы шинели, откинутую в сторону руку. Кажется, это был Буров в его подпоясанной волглой шинели. Но он молчал, никак не реагируя на прикосновение чужих рук. И Сущеня не решился окликнуть его, только лихорадочно ощупывал его тело, смекая, что тот еще жив, хотя и лежит без сознания. Руки Сущени густо испачкались в крови, но, где была рана, он понять не мог. Слегка повернув на земле раненого, ощупал его бока, трава под ним тоже была в крови, как и полы шинели внизу. Но Буров по-прежнему оставался безразличным к его прикосновениям, лишь натужно, тихо стонал. Что было делать, как помочь раненому, этого Сущеня не знал. Он лишь подергал его за рукав.

– Э, э… Ты жив? А?.. Куда тебя, а?

Буров все так же молчал, сдавленно-тихо постанывая, и, словно в ознобе, мелко трясся. Наверно, перепало ему как следует, обеспокоено подумал Сущеня, как бы он здесь не кончился. И что было делать, как ему пособить? Может, сперва унести его в более укромное место, потому что утром, с рассветом, этот край осинничка весь станет виден с дороги. В эту пору сквозь голый подлесок видать далеко. Сущеня был мужик сильный, когда-то на

станции разгружал пульмановские вагоны с солью. Напрягшись, он взвалил на себя тяжелое тело Бурова, подобрал с травы винтовку и, опершись на нее, как на палку, поднялся на ноги. Немалых усилий стоило ему с ношей на плечах выбраться из чащи на более свободное место. Там он немного распрямился, удобнее перехватил раненого. В негустом сосняке идти стало удобнее, он прибавил шагу и едва не упал, зацепившись за корень. Кое-как все же удержался, снова поддал выше упрямо сползавшего вниз Бурова, и тот вдруг с усилием выдохнул ему в ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.